

Епископ Бачский Иринея: вмешательство Патриарха Варфоломея на Украине распространило раскол почти на все Православие

Об этом иерарх Сербской Православной Церкви епископ Бачский Иринея упомянул в интервью газете «Политика» (Сербия).

– Имеются ли основания для опасений, которые в беседе с журналистами были высказаны иерархом Русской Православной Церкви митрополитом Волоколамским Иларионом, что в сегодняшней Европе Библия может быть запрещена как «дискриминационная» книга, поскольку она учит нас тому, что Бог сотворил мужчину и женщину, что пол определяется рождением – тому, что противоречит установкам, пропагандируемым гендерной идеологией?

– Многие благонамеренные – но неосведомленные – люди могли бы подумать, что выдающийся русский архиерей использовал лишь сильные преувеличения, чтобы описать ситуацию со своей

точки зрения. Однако в культурном приложении к газете «Политика» я прочитал простую фразу: «Все, что вы можете себе представить, уже произошло, так что даже Джонатан Свифт был бы поражен». Заявление американского сатирика относится к духовному состоянию современной Америки, но его также можно применить к Европе, где гонения на Библию и из-за Библии являются почти такой же древней традицией, как и она сама.

Христиан преследовали в первые века жизни Церкви Христовой. Потом страдали те, кто уважал только первую, старую часть Библии – евреи, которых сначала убивали или изгоняли, а потом душили в газовых камерах. Из-за своего толкования Библии многие исчезали в результате погромов и гонений («Варфоломеевская ночь», инквизиция, европейские религиозные войны...). В то же время на Ближнем Востоке и на Балканах христиан жестоко пытали и убивали представители тогдашней версии ислама, хотя Коран признает и уважает христиан, а также евреев как «людей Книги», то есть людей Библии. Наконец, в современную эпоху миллионы людей были истреблены в Освенциме, Ясеноваце и многих, многих других концлагерях, на Колыме и на многих других «островах» архипелага ГУЛАГ. Большинство из них пострадали, помимо прочего (или больше всего), потому что они следовали Библии, ее учениям и этике, а значит, и Церкви, в которой и для которой Библия была написана, вдохновенная Богом, сохранена и истолкована.

На данный момент в Европе нет физических казней, но духовные – есть. Для христиан, а также и для всех искренне верующих людей, иудаистов и мусульман, и даже для представителей других великих мировых религий так называемая гендерная идеология является совершенно неприемлемой. Идея предложить мальчикам в детском саду носить платья вместо штанов, чтобы они могли сами решать, какого они пола, пока их дома ждут «два папы» или «две мамы», с точки зрения библейского учения чудовищная и даже демоническая.

Трагично, что в последнее время в нашей стране печатают книги для школьного и даже дошкольного возраста, которые воспитывают в этом духе наших детей. Будет ли преувеличением сказать, что это духовное убийство? Прежде всего, без реального понимания людей и без проверки на плебисците их настроений и волеизъявления навязываются и подсовываются законопроекты, которые призваны шаг за шагом привести к общественному признанию мнения, что гомосексуализм – это только вопрос индивидуального выбора, где нет места Творцу или человеческой природе, привести со временем к усыновлению детей так называемыми однополыми парами, задуманными как альтернатива браку и семье. Даже повторно вводят наказание за словесное оскорбление. Намерение состоит в том, чтобы запретить священникам проповедовать учение Церкви о святости брака за пределами храмов. Настоящая демократия! Итак, и в Сербии, безо всякого сомнения, есть круги, которые безоговорочно выступают за запрет библейского учения.

Синод Сербской Православной Церкви оценил проект закона об однополых союзах как неприемлемый, подчеркнув, что большинство его положений противоречат многовековому учению Церкви, и предложив, чтобы имущественные, правовые и другие вопросы партнеров в этих сообществах регулировались другими законами. Что в данном законопроекте является наиболее проблематичным для Церкви, и были ли учтены права партнеров в однополых союзах при составлении комментариев к его тексту?

– Синод выступил по этому поводу с заявлением, которое носило взвешенный, но вместе с тем ясный и недвусмысленный характер. Соответствующее предложение было предварительно направлено в Правительство. Мы не хотели из-за этого поднимать градус общественной дискуссии. Церковь – последняя, кто мог бы пожелать по какому-либо признаку разделять народ, который и без того искусно лишен возможности как следует ознакомиться с законопроектом и высказать о нём свое мнение. Конечно, мы не хотим, чтобы кто-либо из-за своих убеждений, личных предпочтений и тому подобного подвергался дискриминации при осуществлении своих прав.

Мы никого не отвергаем и не отгоняем из-за личных предпочтений или проблем любого рода. Напротив, мы готовы оказать духовную помощь и поддержку каждому. Однако мы не готовы, как некоторые ожидают, с энтузиазмом приветствовать пропаганду и рекламу греха в качестве желаемого поведения. Наше служение Богу и людям – это культ жизни, а не культ смерти. Мы убеждены, что закон об однополых союзах в предложенной форме не должен рассматриваться или быть принятым Народной Скупщиной.

– Как Вы, бывший декан и многолетний профессор Православного богословского факультета, относитесь к замечаниям части академического сообщества, будто автономия университета нарушается предлагаемыми поправками к закону о высшем образовании, предусматривающими право Священного Архиерейского Синода давать благословение профессорам Православного богословского факультета на преподавание (а также лишать этого благословения), что, кстати, имело место до сих пор?

– Спасибо, что говорите о части академического сообщества, а не об академическом сообществе в целом. Истина в том, что речь здесь идет не обо всех и не о какой-то монолитной группе. Недостаточно информированные люди и в самом деле полагают, будто те защищают демократические принципы и европейские ценности, что бы под этим ни подразумевалось. Но тем временем многие осознали, что это за ловушка – строго говоря, уловка. И поэтому они звонят профессорам нашего Богословского факультета, заявляя, что осознали, как сильно ими

манипулировали. В первых рядах кампании против Православного богословского факультета и против Сербской Православной Церкви (всё во имя или под предлогом отделения Церкви от государства, светского характера нашего общества и университетской автономии) стоят, как правило, бывшие (или только бывшие?) марксисты и атеисты, заменившие свою прежнюю фразеологию на «европейскую», чисто «демократическую» фразеологию, причем среди них есть по крайней мере один человек, который когда-то носил одежду, напоминающую маоистскую одежду, такую как униформа периода китайской «культурной революции». Честно говоря, в некотором смысле я даже впечатлен их последовательностью, верностью своим идеям, которые в моих глазах – не что иное, как заблуждение. Мне кажется, что сегодня, если бы они могли, то были бы готовы делать то же самое, что их деды и отцы делали с 1945 года (кожаные куртки, ночные визиты, приговоры чрезвычайных судов...).

Что касается Православного богословского факультета – факультета, являющегося одним из основателей Белградского университета, то в его отношении они наверняка повторили бы бесславное деяние 1952 года, когда этот факультет был исключен из состава университета незаконным решением правительства того времени или – как выразилась Митра Митрович в своем акте – «ликвидирован» (этот термин явно был ассоциативно популярен среди правителей того времени). Сегодняшние сторонники подобных идей, конечно, не выступают настолько прямо: они сладкоречивы, уста их полны добрых «европейских» и «демократических» фраз; они притворяются и жеманятся; они, ради Бога, «господа», а не какие-то там «товарищи» Тито и компартии. Они заявляют, что не имеют ничего против Сербской Православной Церкви или принадлежности Богословского факультета к университету; они только предлагают, чтобы он находился вне всякого пагубного влияния Церкви, потому что она, по их мнению, некомпетентна в отношении своего собственного богословия, в то время как профессора естественных наук являются компетентными, особенно если они атеисты. Однако одному человеку среди них я отдаю должное за честность и открытость: он, по сути, заявляет, что богословский факультет следует просто-напросто исключить. Это называется *Mitra rediviva!* (*rediviva* – снова жива, и не «воскресла», потому что это звучит ненаучно и по-богословски, и не «обернулась», потому что это звучит суеверно и оскорбительно).

Команда преподавателей – коллективный автор нескольких петиций с десятками подписей – утверждает, что выступает таким образом в защиту автономии университета. Эта автономия – их неизменная мантра. Но как насчет автономии и прав отдельных факультетов, о которых также упоминают и Устав университета, и уставы факультетов? Являются ли факультеты филиалами университета, или университет представляет собой союз и семью автономных и свободных высших учебных заведений? Что мы будем делать дальше с конституционными и законными правами Церквей и религиозных общин в области просвещения и образования? Что мы будем делать с решением Конституционного суда Сербии, который в своё время вынес решение в пользу

Богословского факультета, отклонив иск, основанный на тех же аргументах, которые предлагаются сегодняшними защитниками автономии Университета? Более того, Конституционный суд, подчеркивая отделение Церкви от государства, не только счел, что Церковь призвана и уполномочена регулировать жизнь и работу Богословского факультета, который является частью Университета, хотя его учредителем является государство, но и прямо разрешает и предоставляет Церкви право устанавливать условия самого процесса обучения и осуществления педагогической работы на Богословском факультете. При этом Конституционный суд использует международный технический термин *missio canonica*, то есть разрешение на осуществление педагогической работы. Это, конечно, вызывает мистический ужас у наших толкователей принципа светскости государства.

Так почему бы им не пойти в посольства Германии, Австрии, Испании, Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Словакии, Хорватии, несомненно секулярной Франции и других стран и не вручить им петицию протеста за нарушение принципов светскости государства и автономии университетов в их странах? Что они за либералы и демократы, если защищают только Белградский университет? Конечно, гораздо более старые и известные университеты, даже Сорбонна, безусловно, находятся в гораздо большей опасности, чем он, поскольку в их практике тоже есть *missio canonica*. Между прочим, этот термин звучит мягко или, по старинке, благожелательно для наших последовательных демократов и ортодоксальных секуляристов, и они систематически избегают его использования, заменяя его на выражение «благословение». Желая быть остроумными, они притворяются неумелыми и иронично спрашивают: а откуда в Университете категория благословения? Где такое есть? Вот настоящий оксюморон: термин «благословение», имеющий только и исключительно положительное содержание, означающий доброе слово, истекающее из доброго желания (сравнить греческое *εὐλογία* и латинское *benedictio*), является для них только и исключительно отрицательным термином, столь же злокачественным, как и Церковь, с которой он обязательно ассоциируется.

Если они не хотят или не осмеливаются обращаться в посольства стран, зарекомендовавших себя демократическими и, несомненно, светскими, то почему бы им хотя бы не обратить внимание своих коллег из западных университетов на опасность, которая угрожает им веками, и которую те, к сожалению, не замечают? Чтобы выйти из неловкого положения, в которое сами себя поставили, они говорят нам, будто давать церковное благословение тем, кто изучает богословие, и тем, кто им преподает – это практика и традиция католических стран; следовательно, это не относится к нам как к стране православной традиции (вот, проснулась память у людей Православия, и я напоминаю им народную мудрость, что и недруг в беде бывает кумом, а чужак насильно может стать побратимом). Однако это чистой воды софистика и попытка вывернуться. На самом деле это неправда. До недавнего времени в Западной Европе было немного православных, поэтому они не могли быть представлены в университетах институционально, а могли быть представлены только

индивидуально или в группах. Сегодня это уже не так. Например, в Мюнстерском университете имеется кафедра православного богословия, а в Мюнхенском университете – Институт православного богословия, и одни и те же принципы и правила применяются как к католикам, так и к православным. Избирательных законов и постановлений нигде не существует, поэтому двойные правовые стандарты немыслимы, особенно в западных странах.

Воспользуюсь представившейся возможностью, чтобы, для сравнения, обратиться к практике и традиции России. Там существуют духовные академии, находящиеся в ведении Русской Православной Церкви, и теологические факультеты – или, по крайней мере, теологические кафедры – в рамках различных университетов (конечно, не всех). В духовных академиях все находится под благословением и опекой Церкви, в то время как по природе вещей и по русской академической традиции Церковь не имеет власти над университетами. Но она по-прежнему имеет право и обязанность проверять, утверждая или не утверждая программы по теологии в университетах, в которых они есть. Университеты, в которых имеются теологические факультеты или программы, должны получать двойную аккредитацию – государственную и церковную. Следовательно, в России богословие преподается с благословения и одобрения Церкви. Разница между западной и российской моделями заключается в том, что на Западе одобрение (*missio canonica*) дается заранее с возможностью отказа по доктринальным или этическим соображениям, тогда как в России оно дается в конце путем аккредитации или признания полученной ученой степени. Факультеты исламского богословия, которые существуют в регионах со значительной долей мусульманского населения и в регионах с преобладающим мусульманским населением, в российских университетах также пользуются полностью равноправным статусом. Нравится это отечественным теоретикам светского государства или нет, но современная Россия является демократическим и светским государством, однако нам есть чему поучиться на примере ее модели кооперационного отделения Церкви от государства. Короче говоря, наши теоретики, о которых здесь идет речь, живут в этом веке, но они не из этого века. Я не презираю их, но они вызывают у меня жалость. Они по-донкихотски штурмуют не ту мельницу. Это рецидив безвозвратно ушедшего прошлого.

– Под большой шум СМИ Сербская Православная Церковь мирно и без шума избрала нового главу, Патриарха Порфирия, Ваше духовное чадо. Накануне, что уже превратилось в традицию перед церковными соборами, журналисты писали о разделении в Сербской Церкви, об имеющихся в ней течениях и противоборствующих сторонах. Каково Ваше впечатление: находятся ли основные источники таких оценок вне Церкви или внутри нее?

– Конечно, вне Церкви, с некоторым участием небольших внутрицерковных групп. Тот факт, что Патриарх получил поддержку более двух третей участников Собора при голосовании в первом

туре, в достаточной мере свидетельствует о том, что в Церкви нет разделения. Некоторые епископы, в том числе и те, кто за него не голосовал, громко и радостно воскликнули: «Аксиос! Достоин!» Естественно, что у некоторых архиереев, у каждого по своим причинам, были и другие «фавориты». Однако те еще до Собора осознали, что митрополит Порфирий обладает всеми качествами, которые должны украшать того, кто восседает на престоле святого Саввы. Поэтому Сам Бог благословил Собор, нашу Церковь и наш народ, жребием подтвердив высказанное голосованием мнение епископата.

К сожалению, все еще есть (и будут) СМИ, которые, в конечном итоге, хотят видеть между епископами конфликты – не законное и неизбежное различие мнений, не недопонимание и разногласия, присущие ограниченной человеческой природе, но только и исключительно острые разделения и конфликты. Независимо от того, получают ли они инструкции от кругов, не имеющих отношения к СМИ, или пишут по собственной воле и разумению, такие представители публицистики вызывают сожаление. Я считаю, что, по крайней мере, некоторым из них приходится нелегко, когда они предстают перед зеркалом собственной совести. Ради них повторяю древнее и мудрое правило жизни и деятельности Церкви: «В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всём – любовь».

– Наблюдаются ли признаки, что могли начаться переговоры с иерархами Сербской Православной Церкви о разрешении вопроса статуса «Македонской Православной Церкви»? Утверждается, что премьер-министр Северной Македонии Зоран Заев, поздравляя Патриарха Порфирия с избранием на престол Сербских первоиерархов, попросил Патриарха Сербского выступить за диалог и поиски урегулирования канонического статуса МПЦ, хотя в предыдущие годы такие просьбы направлялись (по причинам скорее политическим, нежели каноническим) Вселенскому Патриарху Варфоломею и даже Болгарской Православной Церкви...

– Святейшему Патриарху и нам, другим иерархам Сербской Православной Церкви, никто, даже г. Заев, не должен напоминать о диалоге и к нему поощрять. Диалог является евангельским и единственно возможным способом преодоления раскола, который продолжается более полувека между несколькими епископами в Северной Македонии, с одной стороны, и Сербской Православной Церковью и всеми другими Поместными Православными Церквями, с другой. Наша сторона, назовём её так, не только прилагала все усилия к тому, чтобы решить проблему раскола 1967 года путем диалога, а не канонических прещений (лишения духовного сана), отлучений и анафем, но и осталась братолюбиво верна принципу диалога, даже когда собеседники выступали «с позиции силы» (впрочем, фиктивной), заявляя, что они заранее признают только одну цель и только один результат диалога, чем, по их мнению, должно было явиться безусловное признание их самопровозглашенного автокефального статуса. Разве это не напоминает нам позицию

самопровозглашенного «государства Косово», которое считает, что как брюссельский, так и любой другой диалог с Сербией имеет лишь одну цель и один результат – безоговорочное признание его государственности и независимости?

Единственное условие было выдвинуто с нашей стороны в ходе диалога: диалог не может осуществляться, пока государство продолжает преследование канонического Архиепископа Иоанна и всей канонической Охридской Архиепископии, единственной общеправославно признанной Православной Церкви в Северной Македонии, причём раскольническая иерархия эти репрессии не только не осудила, но и одобряла их. К сожалению, вместо того, чтобы после относительного ослабления преследования продолжить диалог, пребывающая в расколе иерархия попыталась, как Вы уместно заметили, обходным путём, через Константинопольский Патриархат и Болгарскую Православную Церковь, осуществить, хотя бы частично, свою цель.

Константинопольский Патриархат на просьбы из Скопье реагировал весьма осторожно и сдержанно, как и Болгарская Церковь. В этом контексте я бы задал иерархии в скопском расколе – искренне, поистине братолюбиво – вопрос: «Делаете ли вы какие-либо выводы из церковной ситуации на Украине?» Понимаете ли, что Московский Патриархат дал своей Церкви на Украине, а что ей дал – и отнял! – Константинопольский Патриархат? Понимаете ли, что вам Нишским соглашением дала Сербская Церковь, а что вам предложит Константинопольский Патриархат? Понимаете ли, что и вы должны будете какие-то святыни передать Константинополю как ставропигии, потому что реально они греческие, византийские святыни – такие как монастырь Нерези неподалеку от Скопье, а также и некоторые другие, включая и сербские святыни Неманичей? Понимаете ли вы, в конце концов, что вам придется уступить все свои епархии и церковные общины в диаспоре Константинополю (отмечу, что Нишское соглашение, то есть любовь и понимание Сербской Церкви, также признает компетенцию в диаспоре)?

Помимо открытости к диалогу и доброй воли «другая сторона» должна быть свободной от притеснения и инструктирования со стороны светских властей и готовой принять решение, которое было бы исключительно в духе канонического церковного порядка, являлось бы нацеленным на единство и благополучие Церкви. Приветствуется любой доброжелательный разговор без заранее организованного или заказного шантажа и ультиматумов, разговор, который мог бы создать условия для восстановления церковного единства. Мы не должны забывать, что нынешний архиепископ Охридский Иоанн претерпел страдания и принес большие жертвы ради этого единства, не устранившись многолетнего заключения, чтобы сохранить свободу во Христе. Он был не одинок в своем исповедническом подвиге: епископы, священники, монахи, монахини и верующие канонической Охридской архиепископии также подвергались преследованиям, угрозам, запугиванию и даже арестам, но остались непреклонны. Сегодня, как мне кажется, обстоятельства существенно изменились: никому в Северной Македонии больше не угрожают преследованиями или унижением из-за его церковной принадлежности. И ни у кого нет

оправдания, что у него Церковь не на первом месте. А если Церковь превыше всего, то это будет благословением во всех делах и победой над многими искушениями, которым мы все подвержены.

– В эти дни можно было услышать заявления Русской Православной Церкви, а также и Иерусалимского Патриархата о том, что рассматривается возможность проведения новой встречи представителей Поместных Православных Церквей, подобной состоявшейся в Аммане (в которой участвовала и Сербская Церковь). Также прозвучало мнение Москвы, что больше нет необходимости сохранять практику созыва таких собраний Вселенским Патриархом, поскольку он лишился статуса первого среди равных из-за своей поддержки украинских раскольников. Как Вы оцениваете эти призывы, а также замечание в отношении Вселенского Патриарха?

– Переговоры о преодолении этой проблемы нужны. Они должны проводиться в разных форматах, двусторонних и многосторонних, и наиболее целесообразным и наиболее плодотворным был бы соборный, всеправославный. Однако Константинопольский Патриарх пока отказывается созвать Всеправославный собор, поскольку, согласно его интерпретации, он так или иначе как первый среди равных епископ Православной Церкви имеет право действовать независимо и самовластно по вопросам юрисдикции и автокефалии Поместных Церквей, не считаясь с их мнением, даже если оно совпадает с мнением большинства или является всеобщим. Знакомо, не правда ли? К сожалению, подобная риторика с берегов Босфора слишком напоминает риторика с берегов Тибра в Италии. «Новый Рим», Константинополь, Царьград, сегодня Стамбул словно хочет стать точной копией «старого Рима» в церковном смысле, а именно копией его папского издания второго тысячелетия христианской эры, которое Православная Церковь, возглавляемая именно Константинопольским Патриархатом, по достоинству получившим наименование «Великой Церкви Христовой», никогда не принимала и, убежден, не примет и в будущем.

Более того, некоторые константинопольские богословы отстаивают тезис, будто никто, кроме Вселенского Патриарха, не имеет права созывать всеправославные или межправославные соборы. Этот тезис, конечно, не имеет основания ни в богословии, ни в истории Церкви. Большинство Вселенских соборов прошлого созывались не Константинопольским Патриархом, и это факт, что на Вселенских соборах некоторых римских пап и некоторых константинопольских патриархов судили за ересь или погрешения в вере. Если бы Константинопольская Церковь действительно имела вселенскую или универсальную юрисдикцию и монополию на созыв Поместных и Вселенских соборов, никогда бы не созывался ни один собор, на котором папа или константинопольский патриарх сидели бы на скамье подсудимых, причём не за дисциплинарный проступок или преступление против нравственности, а за самое серьезное догматическое нарушение, за отступничество от истинной веры. Таким образом, Иерусалимский Патриарх с его

авторитетом епископа Святого града Иерусалима и авторитетом своей Церкви как старейшей Апостольской Церкви, охраняющей величайшие святыни Святой Земли, имеет возможность и право созывать других Патриархов и других Предстоятелей Церквей для преодоления возникающих проблем и сохранения единства Церкви, если уже первый среди равных Патриарх их созывать не хочет.

Здесь возникает вопрос: какова природа первенства первого по рангу епископа? Является ли это первенством власти или первенством чести? Является ли Вселенский Патриарх первым *ex sese* (сам по себе), *de jure divino* (по божественному праву) или по воле Церкви, исходя из исторических, а не строго богословских факторов? Стоит он выше Собора епископов или является председателем Собора и, следовательно, его членом? У Православной Церкви есть только один ответ на все эти вопросы, ясный и недвусмысленный: в Церкви нет первенства власти; первым по чести епископ стал им волею Церкви, обусловленной историческими причинами, и он, в конце концов, не выше Собора. Одним словом, он *primus inter pares* (*первый среди равных*), но ни в коем случае не *primus sine paribus* (*первый без равных*), как гласит новая неопапистская теория некоторых теологов. Несмотря на все сказанное, Архиепископ Константинопольский, Нового Рима и Вселенский Патриарх, как звучит его полный официальный титул, не утратил статус первого среди равных, то есть первенство чести. Более того, он не может его потерять, кроме как на каком-нибудь новом вселенском соборе, если, конечно, такой собор вдруг принял бы такое решение. Потому что он такое первенство получил по решению состоявшегося в 381 году в Константинополе Второго Вселенского Собора, 3-е правило которого гласит: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по римском епископе, потому что град оный есть новый Рим». Данное правило было подтверждено и подкреплено 28-м правилом Четвертого Вселенского Собора, состоявшегося в 451 году в Халкидоне близ Константинополя, которое гласит: «...мы определяем и поставляем о преимуществах святейшей Церкви тогожде Константинополя, нового Рима (...), праведно рассудив да град, получивший честь быти градом Царя и Синклита, и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем».

Именно так – на основе государственно-политической действительности (Новый Рим, город императора и Сената), а не на основе догматического, еклесиологического императива, как умствуют наши новые последователи официальной римско-католической концепции первенства – небольшой епархии с центром в городке Византион, суфраганской епархии Ираклийской митрополии, на самом высоком уровне был усвоен ранг первенствующей Церкви Востока, так что первенство Рима было распространено на Новый Рим. В государственно-правовой теории и идеологии Римской империи оба города на самом деле рассматривались как две части единой столицы. Толкуя значение преимущества (первенства) в Церкви, блаженнопочивший епископ Афанасий (Евтич) писал, что первенство в Церкви, несомненно, существует и должно

существовать, но никогда не должно нарушать соборную полноту каждой Православной Церкви. Следовательно, первенство не означает власть над Церквами, но является важным элементом их соборной природы. Я пытался – не знаю, насколько успешно – донести до читателей газеты «Политика» самым простым и понятным способом хотя бы некоторые важные доктринальные аспекты нашей веры «во Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь» – веры, которую мы сами, кажется, предаем, когда сквозь туман тщеславия, амбиций, предрассудков, геополитической (нецерковной) ангажированности и других нематериальных идолов мы не можем или не хотим видеть неувядающий свет божественной истины, которая одна лишь может освободить нас от наших трагических заблуждений и страстей.

Подведем итог ответу на вторую часть вашего вопроса. Низшая инстанция не может оспаривать, не говоря уже о том, чтобы отменить решения высшей инстанции. Ею в Церкви является Вселенский собор, или, точнее, она сама через свой всеобщий собор. Таким образом, Вселенский Патриарх – несмотря на свой провал при неканоническом вмешательстве на канонической территории Московского Патриархата, которое расширило, углубило раскол на Украине, распространив его почти на все Православие, – не утратил своего истинного, признанного всеми Православными Церквами первенства чести и тех компетенций, которые канонически из него проистекают, однако, к сожалению, для многих в Православии, в большей или меньшей степени, он поставил под угрозу репутацию и доверие, которыми он пользовался до недавнего времени, как в отношении своего положения, так и в плане личного к себе отношения. И то, и другое (и репутацию и доверие), по моему глубочайшему убеждению, он может восстановить в мгновение ока – и не только восстановить, но и невообразимо преумножить – если публично заявит, что стал жертвой дезинформации украинских раскольников и манипуляций со стороны украинских властей, отменит признание так называемой Православной церкви Украины, восстанавливая единство Православия и поощряя диалог всех со всеми. Такой его жест показал бы всем в мире, в чем состоит содержание первенства согласно православному пониманию: это бескомпромиссное служение единству Церкви, где первопрестольная Церковь играет роль вдохновителя, посредника и координатора, и не единоличного распорядителя.

Господь Христос учит нас Сам и Своими словами, что те, которые добровольно и из любви являются последними, становятся перед Богом первыми, а те, которые любой ценой хотят стать первыми, неизбежно становятся последними перед Богом и перед людьми. Являясь на протяжении многих лет одним из скромных сотрудников Святейшего Патриарха Варфоломея в области межправославных и всеправославных дел (среди прочего, в преодолении раскола в Болгарской Православной Церкви на Великом Соборе в Софии, председательствуя на котором, он совершил великую историческую работу по исцелению душевных ран и примирению между братьями), я осмеливаюсь завершить эти размышления – возможно, нескромно, но в любом случае искренне, с любовью и уважением к его личности и служению – воззванием к Богу и призывом к

нему, Вселенскому Патриарху, быть на высоте своего призвания и своих обязанностей, сделать выбор, достойный его святых и великих предшественников, устранить все скалы соблазна и каждый камень преткновения, стереть каждую причиненную болью раскола слезу и страдания, вызванные раскольническим насилием на Украине и не только на Украине. Если он хочет, он может это сделать. Сие же буди, буди! Дай Бог, чтобы так было!

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/87168/>